

Юноша медленно открыл глаза. Его взгляд был пустым и рассеянным, он словно не мог ни на чем сосредоточиться.

Долгое время он смотрел в потолок, прежде чем глаза медленно опустились влево.

Там были Чжоу Лин и Цинь Юнь.

В руках Чжоу Лин держал теплое полотенце и вытирал ему пот, а Цинь Юнь, поправлявший складки на одеяле, замер, не закончив движение.

Из-за слабости тела, с каждым вздохом, на его болезненно бледных щеках наконец проступил слабый розовый оттенок, отчего лицо стало похоже на цветущий персик. Этот очаровательный вид будоражил воображение.

Какое-то время никто не решался нарушить тишину.

Четверо тех, кто еще три дня назад в доме семьи Чэн бросались друг на друга с кулаками, превращая все вокруг в хаос, теперь, словно четыре дикие собаки на привязи, молчаливо охраняли покой в комнате. Они больше не обнажали острые клыки, а напротив — вольно или невольно начали вилять хвостами.

— Пить хочешь? Или, может, голоден? Сяо Янь, я схожу принесу...

Голос Чжоу Лина постепенно затих.

Хотя Ши У смотрел в его сторону, взгляд его был прикован к стоявшему чуть поодаль Цинь Юню.

Чжоу Лин сдержался, не давая воли чувствам. Он молча встал, налил воды и поставил стакан у изголовья кровати. Затем принес тарелки с кашей, которую передали из дома семьи Чэн. Ароматное блюдо стояло на подносе, и в каждой тарелке лежала привычная для Ши У деревянная ложка с резным узором — конечно, обо всем этом позаботился Сюй Чэнь.

Сюй Чэнь, чей жест мгновенно перехватили, слегка нахмурился и бросил на Чжоу Лина предостерегающий взгляд.

Однако Чжоу Лин словно чувствовал, что Сюй Чэнь не станет устраивать сцену при только что очнувшемся Ши У. Он осторожно, стараясь не пролить ни капли, поднес тарелку с кашей к Ши У:

— Выбирай сам, что хочешь съесть. Не торопись, ешь понемногу.

Но Ши У все смотрел на Цинь Юня.

Взгляд Чжоу Лина постепенно потускнел. Верно, Ши У всегда любил Цинь Юня. Еще очень давно он часто советовался с ним, как сделать так, чтобы Цинь Юнь не расторгал помолвку, как заставить его полюбить себя.

Заметив это, Цинь Юнь слегка улыбнулся.

Он выбрал с подноса, который держал Чжоу Лин, самую легкую рисовую кашу с курицей и овощами, зачерпнул половинку ложки и лично поднес к губам Ши У.

— Ты слишком долго спал. На одних капельницах долго не протянешь, нужно поесть.

Наследник семьи Цинь, который всегда смотрел на него свысока и лишь отвергал, еще никогда ни с кем не говорил так нежно.

Глаза Ши У, казалось, слегка покраснели.

Он не открыл рта, а лишь молча опустил голову.

— Не нравится эта? — спросил Цинь Юнь.

— Пять... — Ши У заговорил, но его голос звучал так, словно прошелся по наждачной бумаге. Он так сильно закашлялся, что Цинь Юнь поспешно отставил тарелку и, придерживая его, начал осторожно поглаживать по спине, чтобы помочь перевести дыхание.

От кашля губы Ши У налились алым цветом. Округлые, припухшие, они приобрели свою прежнюю манящую яркость.

— Пятьдесят миллионов... У меня правда... нет денег, чтобы вернуть тебе долг.

Рука Цинь Юня, гладившая его по спине, замерла. Прошло полсекунды, прежде чем он осознал, что тот говорит о дне, когда Ши У просил у него взаймы, а он заставил его подписать долговое обязательство. Его пальцы словно окаменели. Оказывается, Ши У смотрел на него, думая именно об этом.

Цинь Юнь тихо кашлянул:

— Я тогда просто пугал тебя. Пятьдесят миллионов возвращать не нужно.

— Значит, я должен отработать долг...

— Не нужно ничего отрабатывать. — Цинь Юнь потер переносицу и снова поднес ложку к его губам. — Тебе ничего не нужно делать, просто поправляйся.

Щеки юного господина покраснели от пара, идущего от каши, словно весенние цветы. Ресницы намокли от влаги, и казалось, будто он только что плакал. Цинь Юнь подул на кашу в ложке, чтобы она остыла, и только потом поднес к губам Ши У.

Ши У послушно открыл рот и обхватил губами всю деревянную ложку.

Опустив голову, он медленно облизывал ее, словно олененок, пьющий воду у лесного озера.

Цинь Юнь в шутку слегка потянул за ручку ложки, и Ши У невольно прикусил ее.

Как же медленно он ест.

Цинь Юнь терпеливо подождал еще пару секунд. Ши У кончиком языка аккуратно собрал всю кашу с ложки, и только когда та стала совершенно чистой, он наконец позволил медленно вынуть ее из своих влажных губ.

Так, шаг за шагом, Цинь Юнь быстро приноровился к ритму кормления, и его движения стали все более ловкими.

Вскоре половина тарелки была съедена.

Ши У, опустив голову, не заметил, как Чэн Цзиньшэн вышел, чтобы оформить документы на выписку. Когда дверь с тихим стуком отворилась, он невольно поднял глаза.

Встретившись взглядом с Чэн Цзиньшэном, Ши У внезапно вздрогнул. Он оттолкнул Цинь Юня вместе с тарелкой и вжался в противоположный край кровати.

Сюй Чэн тут же обнял его, прикрывая рукой щеку, чтобы тот не смотрел в сторону двери.

В прошлый раз, когда Ши У упал с лестницы, его точно так же напугало внезапное приближение Чэн Цзиньшэна.

Обняв его, Сюй Чэн поднял голову и жестом велел Чэн Цзиньшэну выйти.

Чэн Цзиньшэн горько улыбнулся и, взявшись за ручку двери, снова нажал на нее.

Но Ши У, прижавшись к Сюй Чэню, внезапно позвал:

— Брат.

Это долгожданное слово заставило Чэн Цзиньшэня застыть на месте.

— Ты обещал... если я верну двадцать миллиардов, ты напишешь... напишешь письмо с прошением о помиловании для моей матери.

Чэн Цзиньшэнь с напряженным лицом кивнул:

— Да.

Ши У побледнел, его тонкие белые пальцы сжались, вцепившись в рукав Сюй Чэня:

— Тогда можно мне... можно мне навестить ее?

\*\*\*

Результаты первого судебного заседания еще не были объявлены. На самом деле, Чэн Цзиньшэнь подготовил прошение о помиловании еще до того, как начал угрожать Ши У. Они даже наняли для Чэнь Юньлин лучшего адвоката, чтобы добиться сокращения срока заключения.

Когда братья Чэн привезли Ши У в следственный изолятор, чтобы навестить Чэнь Юньлин, адвокат как раз заканчивал с ней беседу.

— Мы кое-что выяснили. Это может помочь смягчить приговор, но... — Чэн Цзиньшэнь нахмурился. — Но что?

— Если мы будем использовать такую линию защиты, репутация семьи Чэн... может быть слегка затронута.

Сюй Чэнь и Чэн Цзиньшэнь переглянулись.

— О чем именно идет речь?

— Я еще раз изучу материалы. Может быть, вы сами поговорите с ней и обсудите это?

Боясь, что Чэнь Юньлин может сказать что-то, что расстроит Ши У, Чэн Цзиньшэнь и Сюй Чэнь сначала вошли в комнату для свиданий одни, решив, что Ши У присоединится к ним позже.

Это был первый раз, когда кто-то пришел к Чэнь Юньлин после того, как она сдалась полиции.

— Сяо Янь... он не хочет меня видеть, да? — Чэнь Юньлин, казалось, не была удивлена. В ее представлении Ши У был ребенком, которого семья Чэн приучила к роскоши. Раз она, родная мать, теперь в таком жалком положении и когда-то угрожала раскрыть правду, Ши У, конечно, не станет ее любить.

Чэн Цзиньшэнь покачал головой:

— Нет, он сам попросил приехать. Но сейчас он неважно себя чувствует, поэтому мы решили сначала поговорить с вами о линии защиты.

Глаза Чэнь Юньлин наполнились слезами, в них вспыхнула надежда.

Сяо Янь... он хочет ее видеть.

Чэнь Юньлин сжала пальцы. Ее покрасневшие глаза и опущенный взгляд удивительно напоминали Ши У — оба выглядели одинаково беспомощно.

Раньше Сюй Чэнь презирал ее за это притворство, но сейчас, сам не зная почему, почувствовал странное спокойствие.

— Сяо Чэнь, не забудь... поливать жасмин дома. — Чэнь Юньлин не знала, о чем еще говорить, и могла лишь повторять это, вспоминая повседневные мелочи.

— О какой линии защиты говорил адвокат?

Раздался тихий стук. Слезная капля упала на наручники Чэнь Юньлин. Она в панике затрясла головой:

— Неважно. Можно не использовать эту стратегию. Я могу отсидеть подольше, это не страшно. Лишь бы вы выпустили пар и оставили Сяо Яня в покое...

Сюй Чэнь и Чэн Цзиньшэнь посмотрели друг на друга.

— Думаю, мы имеем право знать правду. Я обещаю вам, что бы вы ни сказали, мы не причиним вреда Сяо Яню.

Чэнь Юньлин медленно опустила голову.

— Я уже говорила, это была... цепочка аварий. Тогда я была на седьмом месяце беременности.

Ехала в автобусе, а ваша мать — в роскошном автомобиле. Семья Чэн — самые богатые люди в городе, да что там, одна из крупнейших корпораций страны. Госпожа Чэн пострадала, и ее увезли в больницу семьи Чэн... Все акушеры, медсестры смотрели только на нее. На месте аварии все бросились спасать ее. Я была худой, живота почти не было видно. К тому времени, как эвакуировали тот автомобиль и начали доставать людей из автобуса, у меня уже отошли воды... Так я упустила драгоценное время.

— Сяо Чэнь, ты всегда говорил, что тебя не особо волнуют деньги. Но знаешь ли ты, что у бедных людей всегда... гораздо меньше шансов выжить? — Чэнь Юньлин схватилась за волосы, словно не желая погружаться в те воспоминания. Ее плечи мелко дрожали. — А ведь госпожа Чэн была уже на восьмом с половиной месяце, она была пристегнута, она почти не пострадала, лишь легкий испуг и реакция на стресс... А у меня от удара начались преждевременные роды... Но ее спасали в первую очередь, она рожала в тихой элитной палате, а я ждала. Врачи, полиция, пожарные — все были заняты тем, чтобы вытащить ту машину, стоявшую сотни миллионов. Только когда госпожу Чэн спасли, они начали осматривать автобус и обнаружили меня, тоже беременную... Но было уже слишком поздно.

— Сяо Янь... он мог родиться в срок, но из-за задержки помощи ему пришлось появиться на свет раньше времени. Он родился слабым. У меня не было денег, если бы он остался со мной, он бы умер.

Слезы Чэнь Юньлин катились одна за другой. Прошло двадцать лет, но она до сих пор отчетливо помнила то отчаяние.

— Почему нельзя было сначала осмотреть автобус? Там ведь было больше людей... — Чэнь Юньлин закрыла лицо руками, слезы просачивались сквозь пальцы.

Чэн Цзиньшэнь нахмурился, листая материалы дела, оставленные адвокатом:

— Тогда они не знали, что в автобусе есть беременная женщина. Это был несчастный случай. Удар был несильным, они решили, что в автобусе нет тяжелораненых, поэтому в первую очередь спасали машину с беременной госпожой Чэн...

Хотя это и было так, но именно стремление обеспечить благополучные роды госпоже Чэн, которая носила Сюй Чэня, стало причиной задержки помощи Чэнь Юньлин.

Я не убивал, но человек погиб из-за меня.

— Я знаю, я понимаю. Но в тот момент я так сильно ненавидела... Я не понимала: я только что потеряла мужа, почему я должна потерять еще и сына? Почему, раз мы обе попали в аварию, ребенок семьи Чэн должен был родиться здоровым, а мой — нет? Именно тогда мне пришла в голову мысль подменить детей. Все равно оба родились в результате аварии, если у ребенка семьи Чэн будут какие-то врожденные слабости, никто не заподозрит подвоха. Если обменять детей, мой Сяо Янь сможет выжить. Пусть даже это был лишь временный обман, но семья Чэн такая богатая, пусть они спасут моего ребенка.

Процесс подмены прошел слишком легко. Семья Чэн действительно обнаружила, что ребенок слаб здоровьем, и предоставила ему лучший уход, питание, наняла трех нянек. Так прошел год, ребенок начал ходить, он был таким же активным и здоровым, как обычные дети. Чэнь Юньлин тайком приходила посмотреть на него, хотела признаться. Но не решилась. Она поняла, что все было слишком просто. Семья Чэн такая влиятельная, если они узнают, как она их одурачила, им с Сяо Янем не выжить.

Так год за годом. Она растила Сюй Чэня до шести лет. Сюй Чэнь был очень одаренным, она с чувством глубокой вины продала свой дом, чтобы оплатить ему обучение в лучших школах. Она любила его как своего родного, давала ему материнскую любовь и все деньги, что могла.

Тайну хоронили день за днем, пока Чэн Цзиньян не узнал правду.

— Мне было так страшно. Много раз я хотела вернуть тебя семье Чэн. Но не смела... — Чэнь Юньлин, закрыв глаза, продолжала извиняться. — Но Сяо Чэнь, я правда... правда любила тебя как Сяо Яня. Неужели ты не чувствуешь те двадцать лет, что мы провели вместе? Я не прошу прощения, но умоляю, не трогай Сяо Яня. У него слабое сердце, он недоношенный. Пожалей его...

Сюй Чэнь долго молчал, пребывая в шоке. Его взгляд темнел, пальцы судорожно сжались.

Вот оно что. Чэнь Юньлин... она не была тщеславной, все дело в той аварии. В той аварии врачи спасали его мать, благодаря чему он родился здоровым и благополучным, а Сяо Янь преждевременно. Хотя это не было прямой виной семьи Чэн, лишь врачебной ошибкой, для нищей матери и сына Ши У цена этой ошибки была слишком высока.

Видя, что братья Чэн молчат с мрачными лицами, Чэнь Юньлин решила, что они все-таки собираются мстить Ши У. Она вскочила, вырвалась от охраны и поклонилась им в ноги:

— Он ни в чем не виноват! Когда случилась кража драгоценностей, я сама приходила к нему. Сяо Чэнь, он нападал на тебя и подставлял не потому, что узнал, что он не настоящий сын, и хотел захватить наследство... Он думал, что ты — незаконнорожденный, а он — настоящий наследник семьи Чэн. Если бы он знал, что он ненастоящий, как бы он посмел вредить тебе? Он бы не посмел, он не такой плохой... на самом деле он очень трусливый...

Лицо Сюй Чэня постепенно бледнело. Да. Ши У очень труслив. Он не знал, что он «подставной» сын, и не сговаривался с Чэнь Юньлин, чтобы разорить семью Чэн. Ши У просто слишком хотел получить признание Чэн Цзиньшэня. Он боялся, что его, законного сына, затмит внебрачный ребенок.

Взгляд Сюй Чэня стал глубоким. Наверное, в тот момент, когда он узнал, что он ненастоящий сын, он был очень напуган и беспомощен. В те моменты он тоже молча страдал от сердечных болей? Если бы у него был шанс вернуться в то время, он бы обязательно нашел его, утешил и сказал, что даже если он не настоящий сын, это ничего не значит, и не страшно, если он разбил драгоценность. Не убегай. Я защищу тебя.

Но тогда, когда он нашел его, что он сказал? Его собственные слова ударили его в сердце, словно тяжелый молот:

— Разве ты не любишь деньги? Десять тысяч за ночь, как тебе? Угадаешь, сколько времени потребуется, чтобы выплатить компенсацию за драгоценность и долг Цинь Юню?

Сюй Чэнь резко вскочил и выбежал из комнаты, увидев на холодном стуле в коридоре изолятора хрупкую фигурку.

Ши У, казалось, еще не знал, что произошло, и тихо спросил:

— Я... я могу войти?

Осторожно, словно проверяя его настрой, он боялся, что тот снова разозлится.

Сюй Чэнь должен был признать: хоть на первый взгляд никто не был виноват, но, будь то преждевременные роды из-за аварии двадцать лет назад или нынешний сердечный приступ, их семья Чэн... была настоящим стихийным бедствием в жизни Ши У.

Он внезапно опустился перед ним на колени и крепко обнял.

— Прости меня, Сяо Янь.

Но его сердце уже было сильно повреждено. Что нужно сделать, чтобы этот человек, с которым его не связывают узы крови, добровольно остался рядом? Чтобы он был в безопасности, под надежной защитой?

Сюй Чэнь слушал медленное, слабое сердцебиение в груди Ши У и впервые почувствовал полное бессилие.

\*\*\*

— Он ведь сказал, что возвращается в семью Чэн, почему ты все еще преследуешь нас? — Чэн Цзиньшэнь бросил взгляд в зеркало заднего вида на Цинь Юня и недовольно проворчал: — Смирись, он не уйдет с тобой.

Цинь Юнь раздраженно вздохнул:

— Он мой жених.

Сказав это, он опустил стекло и не сводил глаз с ехавшей впереди машины:

— Скоро светофор, не отставай.

Чэн Цзиньшэнь, которого превратили в водителя, не злился. Он нарочно замедлил ход, чтобы попасть на красный свет, и смотрел, как машина, в которой ехал Ши У, исчезает за поворотом. Цинь Юнь нахмурился:

— Чэн Цзиньшэнь, что ты творишь?

— Цинь Юнь, наш Сяо Янь тебя не любит.

Цинь Юнь: «...»

— Он бегал за тобой, потому что считал, что брак с тобой — это признание того, что он полноправный член семьи Чэн. Завоевать твою любовь было для него так же важно, как успешно управлять компанией или получать хорошие оценки.

Цинь Юнь пристально смотрел на Чэн Цзиньшэня, и по мере того, как тот спокойно анализировал ситуацию, его взгляд становился все острее. Опыт в бизнесе помог ему понять что-то важное. Он поднял стекло:

— Чэн Цзиньшэнь, он ведь твой младший брат, которого ты растил одиннадцать лет. Ты не хочешь сказать, что питаешь к нему...

— Как только я подтвердил его личность, я начал судебный процесс. Вся недвижимость, акции, фонды и любое имущество, зарегистрированное на него, уже изъяты. Он больше не член семьи Чэн.

Чэн Цзиньшэнь знал, что Ши У не питает к нему подобных чувств. Слишком строгие требования, которые он предъявлял к нему в детстве, и гнев, который часто изливал на него в юности, сделали детство Ши У очень несчастным. Он больше никогда не сделает ничего, что могло бы его огорчить, — в том числе не откроет своих чувств. Он и сам не знал, когда именно в его сердце зародилось это чувство к этому ребенку. Но эта тайна навсегда останется его тайной. Всю жизнь он будет для Сяо Яня хорошим братом.

Ши У, получив подсказку от системы, знал, что у Чэн Юньлин была скрытая сюжетная линия. Первым делом после пробуждения он попросил братьев Чэн отвезти его к этой приемной матери. Он надеялся, что после встречи с ней Сюй Чэн избавится от своего груза на сердце, простит их и злоба исчезнет.

Ши У молча ждал, когда показатель «чернения» Сюй Чэня упадет до нуля, но этот день все не наступал.

В день выписки брата Чэн молча привезли его домой. Они по-прежнему заботились о нем, не

выгоняли, но и не мучили. Они поселили в доме лучших врачей и медсестер, чтобы те могли присматривать за ним и делать регулярные кардиограммы.

Он был как хрупкий хрусталь, который поместили в стеклянную витрину с терморегуляцией, чтобы оберегать от любых случайностей.

Ши У плохо понимал мысли Сюй Чэня. Может, он все еще глубоко ненавидит Чэнь Юньлин и его самого, ведь именно он перевернул его жизнь вверх дном, поэтому и не выгоняет того, кто украл его судьбу?

Но что делать? Скрытая сюжетная линия пройдена. Если даже это не избавляет от ненависти... тогда у него действительно нет другого выхода.

В начале нового учебного года, по дороге в школу, Сюй Чэнь, который давно не говорил с ним, внезапно поднял внутреннюю перегородку в машине.

Ши У: «...!»

В прошлый раз, когда он сделал так, он прижал его к заднему сиденью и поцеловал.

Ши У испуганно втянул голову в плечи и инстинктивно прикусил губу:

— Ч-что ты делаешь?

— Расторгни помолвку с Цинь Юнем. — Глаза Сюй Чэня были темными, он словно наконец выплеснул то, что долго зрело внутри. — Выходи за меня.

Ши У: «...?»

О чем он говорит?

Сюй Чэнь наблюдал за его выражением лица, медленно закрыл глаза и прошептал:

— Я знаю, что ты меня не любишь. Но ты больше не ребенок семьи Чэн, ты не можешь получить их наследство.

Увидев его ошарашенный вид, Сюй Чэнь слегка нахмурился, пытаясь подавить тревогу. Он понимал, что Ши У, возможно, мечтает сбежать из дома семьи Чэн, где у него осталось столько болезненных воспоминаний.

Он хотел удержать его. Защитить.

— Ты ведь всегда хотел получить долю в компании Чэн? Выходи за меня, и я перепису на твое имя все свое имущество.

Сюй Чэнь протянул руку и поправил прядь волос у него за ухом:

— Ты... согласен?

<http://bllate.org/book/20856/2104191>